

Глава 102. Не приходи!

Огонёк в его ладони стал для Цзян Тана единственным утешением.

То ли годы, проведённые в долине Тяньбэй, приучили его к темноте, то ли дело было в том, что он держал в руках духовное пламя Фу Линцзюня, но постепенно подавленность отпустила его. Он уже не чувствовал себя таким разбитым.

Он начал следить за действиями Цзян Чанъюаня, пытаясь понять, что тот задумал.

Когда густой слой соломы на земле раздвинулся, под ним смутно проступили какие-то беспорядочные письмена. По идее, он, конечно, не должен был ничего понять, но натаскивание, которым босс занимался с ним, всё-таки принесло плоды. Теперь он уже знал, что некоторые символы можно разбирать на части и соединять с другими, а потому собрал воедино все свои жалкие навыки чтения и понимания текста и принялся разбирать их по кусочкам.

Там были соединены самые базовые символы пяти стихий, а к ним примыкал небольшой фрагмент массива «Пленение Дао». Сам по себе «Пленение Дао» был довольно обычным коварным массивом, которым обычно запирают культиваторов: что-то вроде того, как босс запечатал весь Цянькунь, только этот вариант был куда меньше. Помимо него, Цзян Тан увидел там ещё кусок иллюзорного массива под названием «Цветы в зеркале, луна в воде».

Тогда, объясняя ему всё это, Фу Линцзюнь говорил, что подобные массивы редко дают настоящий эффект. У культиваторов слишком сильна душа: стоит вокруг случиться чему-то ненормальному или возникнуть иллюзии, не принадлежащей их собственной памяти, как они сразу это замечают.

К тому же втянуть душу в массив чрезвычайно трудно. Даже Фу Линцзюнь, когда однажды захотел насладиться сном на младших, чья культивация была намного ниже его, вынужден был сперва воспользоваться особым благовоением, притягивающим души, оставить на них зерно запаха, а уже потом по этому следу вводить их в сон.

Если даже с культиватором, который намного слабее тебя, приходится действовать с такой осторожностью, то что уж говорить о кознях против того, кто почти равен тебе по силе или и вовсе сильнее.

Никто не способен идеально управлять чужим сном.

Это было нетрудно понять. Допустим, кто-то запер бы Цзян Тана в иллюзии и сочинил для него какую-нибудь другую повседневную жизнь в мире культивации: где он родился, как вырос, с кем познакомился. Пусть даже такой сон был бы до невозможности правдоподобным, пусть даже его душа и правда ни на что не годилась, он всё равно понял бы, что это ложь.

Потому что он попаданец в книгу. У него не может быть таких воспоминаний.

С «Цветами в зеркале, луной в воде» всё было точно так же.

Тот, кто выстраивает такую иллюзию, должен не просто кое-что знать о человеке, которого хочет в неё втянуть, но и на этой основе создать логичный сон. А это уже слишком тяжёлая задача. Поэтому, как бы громко ни звучало название этого массива, пользоваться им почти перестали.

Цзян Тан больше не мог лежать спокойно.

Цзян Чаньюань был даосским святым. Не может быть, чтобы он не понимал всех тонкостей «Цветов в зеркале, луны в воде». И всё же он воспользовался этим массивом, причём в такой момент, когда его тело разрушено, душа вырвалась наружу, а положение хуже некуда. Он заперт внутри Цянькуня и не может выйти, а если за семь дней не найдёт тела, его душа рассеется. Человек, прижатый к последней черте, не станет делать ничего бессмысленного. Значит, именно здесь у «Цветов в зеркале, луны в воде» есть особое назначение.

— Ты... начертил неправильно. У «Цветов в зеркале, луны в воде»... должно быть ещё две черты.

Цзян Тан решил начать с обычной болтовни и попробовать вытянуть из него хоть что-то.

Пара мёртвых глаз мгновенно уставилась на него. Если смотреть в них было жутко даже при солнце, то в этой тёмной камерке и подавно.

Цзян Тан слегка струсил, но, вспомнив, что убить его тот всё равно не может, тут же снова осмелел:

— Чего... уставился.

Цзян Чаньюань явно не ожидал, что притащенный им никчёмш ещё и заговорит с ним. Отвечать он не стал и продолжил заниматься своим делом.

— И «Пленение Дао»... тоже не так, — снова сказал Цзян Тан.

Рука Цзян Чаньюаня на миг замерла, после чего тот тихо хмыкнул:

— Перед тем как выпрашивать, ты хотя бы успел немного подготовиться.

Цзян Тан легонько прикусил нижнюю губу.

Он осторожно взглянул на Цзян Чаньюаня и понял, что, кажется, больше ничего не вытянет.

— Символам и массивам тебя учил Фу Шэн, верно? — вдруг сам заговорил Цзян Чаньюань. — Всё как у Фу Юэбая.

Раз они сумели запереть Цзян Чаньюаня, значит, в символах противник наверняка разобрался лучше него самого.

Похоже, Цзян Чаньюань вовсе не считал зазорным признать, что в этом уступает и Фу Юэбаю, и Фу Линцзюню. Он снова окинул взглядом собственный массив и, лишь убедившись, что Цзян Тан понимает всё вполсилы и не уловил сути тех двух недостающих штрихов, снова посмотрел на него.

— Раз тебе так хочется знать, можно и рассказать. Мне очень интересно увидеть, каким мучительным станет твоё лицо, когда ты заранее узнаешь, что ждёт твоего возлюбленного, и при этом ничего не сможешь сделать.

Цзян Тан: «...»

Ну всё. Прямо запахло тем самым злодеем, который погибает от собственной болтливости.

Сначала он подробно рассказывает похищенному главному герою, зачем всё затеял и как именно собирается действовать, потом затыкает ему рот грязным носком. А дальше герой всё равно ухитряется сбежать, а потом по информации, которую сам злодей ему и выдал, возвращается и громит его!

В сериалах именно так всё и происходит. Он в этом разобрался.

— Да, в «Цветах в зеркале, луне в воде» я действительно дорисовал ещё две черты. Знаешь, что они означают? — на лице Цзян Чаньюаня даже проступила улыбка, и выглядела она до невозможности зловеще. — Они означают прекрасный сон.

Так этот тип и правда задумал наслать сон на босса!

Но неужели, умерев один раз, Цзян Чаньюань ещё и головой поехал? Как вообще ему пришёл в голову настолько жалкий способ мести? Сейчас он всего лишь остаток души. Запереть Фу Линцзюня ему и так было не под силу, а уж говорить о том, чтобы наслать на босса сон... да он попросту бредил наяву.

— Я знаю, о чём ты думаешь.

То ли Цзян Чаньюань прочёл что-то по его глазам, то ли просто был слишком доволен собой и

хотел продолжать говорить. Настроение у него явно поднялось. Продолжая выстраивать ловушку, он сказал:

— Фу Шэн очень силен. За тысячи лет печать не сточила его нрава, а наоборот, сделала ещё опаснее. Этого я не ожидал.

— И всё же ему недостаёт одного.

На этих словах он посмотрел на Цзян Тана с откровенным удовольствием:

— Недостающая часть души Фу Шэна у меня. Как думаешь, какой сон я ему подарю?

До этого Цзян Тан ещё полагал, что «Цветы в зеркале, луна в воде» не смогут удержать Фу Линцзюня. Но стоило ему услышать про недостающий осколок души, как сердце у него повисло в воздухе.

Он ведь знал, что душа Фу Линцзюня нестабильна. Ещё при первом соприкосновении душ он понял, что перед ним не цельная душа, а собранная из обломков. В его душе отсутствовал кусок, поэтому его постоянно мучили раскалывающие голову боли и он никогда не спал по-настоящему спокойно.

Пока не встретил его.

То ли в благих зверях от природы было что-то, что успокаивало души, то ли причина была в другом, но Цзян Тану уже казалось, что он сам — ходячее снотворное. Стоило боссу захотеть поспать, как он приходил и засыпал, обняв его. Эффект был безотказный: каждый раз Цзян Тан ещё бодрствовал, а босс уже проваливался в сон.

— Только не говори, что сон будет хороший, — тихо пробормотал Цзян Тан по-китайски.

Слов он, конечно, не понял, но выражение лица увидел прекрасно.

Поняв, что Цзян Тан точно говорит что-то недоброе, Цзян Чаньюань ещё сильнее развеселился. Уголки его губ высоко поползли вверх. От этой улыбки мёртвое лицо даже стало как будто живее.

Но жутко живее.

Уж лучше бы и дальше оставалось лицом покойника.

Цзян Тан всё ждал продолжения, но Цзян Чаньюань внезапно умолк на полуслове. Не

выдержав, он сам спросил:

— Как... ты затащишь его в сон?

Пусть даже у Фу Линцзюня и не хватает куска души — и что с того? Сам Цзян Чанъюань теперь выглядит как настоящее чудовище, да и сил у него явно меньше, чем у недостающего осколка. А Фу Линцзюнь сейчас куда сильнее, чем прежде.

Что-то вроде благовония, притягивающего души, босс уж точно стал бы остерегаться. Этот запах он хорошо знал. Цзян Тан был в этом уверен.

Цзян Чанъюаня ничуть не волновало, что Цзян Тан пытается вывести правду. Он и не думал ничего от него скрывать. Если бы захотел, у него нашлось бы достаточно способов навсегда лишить Цзян Тана возможности говорить.

— Люди, приманивая души, так и остаются на уровне поверхностных уловок. Они не понимают, что самое важное в том, чтобы затащить человека в сон, — это одержимость. Неспособность отпустить какое-то дело. Неспособность отпустить каких-то людей, — голос его был хриплым, будто друг о друга тёрлись две полосы наждачной бумаги. — Фу Шэн собственными руками убил своего лучшего друга и близких. Он не может этого отпустить. Так что я и подарю ему прекрасный сон.

Слова «прекрасный сон» звучали у него на устах, а смысл был жесток до предела.

— Сжечь в прах останки его родных, растолочь их в порошок и приготовить из этого благовоние, притягивающее души... Как думаешь, он войдёт в сон?

У Цзян Тана мгновенно онемела кожа на голове.

— Скотина! — хотя тело его всё ещё было стянуто длинным хлыстом, он всё равно рванулся вперёд, словно хотел разорвать этого подонка. — Подлый... мерзкий... ублюдок!

Оттого что он дёргался, хлыст начал медленно затягиваться. Боль вокруг талии становилась всё сильнее.

Он понимал, что сейчас должен беречь силы и не тратить их на бесполезные попытки вырваться. Надо было тихо ждать, пока Фу Линцзюнь придёт за ним. Но, услышав о плане Цзян Чанъюаня, молчать он просто не мог. Более того, он почти не хотел, чтобы Фу Линцзюнь вообще приходил. Всё равно Цзян Чанъюань не способен убить его: максимум вот так слегка помучить. Он ещё как-нибудь это переживёт. А вот если Фу Линцзюнь придёт, не исключено, что этот пёс и правда сумеет заманить его в ловушку!

Сжечь в прах останки его близких, растолочь в порошок и приготовить из этого благовоние,

притягивающее души... Да как вообще на свете может существовать человек с настолько чёрной душой? Он не только хранил останки родных Фу Линцзюня все эти тысячи лет, но и сотворил с ними такое!

Слушая ругань, звенящую у него в ушах, Цзян Чанъюань не разозлился. Наоборот, только рассмеялся.

— Разозлился? Значит, боишься.

Он сложил пальцы в печать и на расстоянии начертил несколько символов перед самым ртом Цзян Тана. И в тот же миг тот больше не смог открыть рот.

— Ум! Ум-м! — он изо всех сил пытался заговорить, но рот был запечатан намертво, и пробиться сквозь заклятие у него никак не получалось.

Цзян Чанъюань с удовольствием полюбовался его жалким, лихорадочным видом и пожал плечами:

— Вот и тишина.

— Если бы Фу Шэн выбрал себе сильного спутника Дао, я бы, пожалуй, ничего не смог с этим сделать. Смешно. Он полюбил обузу.

Хлыст звякнул от недавних рывков, а человек на соломе издал приглушённое, бессильное мычание, полное ярости. Но Цзян Чанъюаню этот звук, похоже, пришёлся по душе. Он опустил голову и снова занялся завершением своего шедевра. Под конец он понемногу разложил откинутую солому обратно, полностью закрыв ею вычерченные символы.

Чем сильнее Цзян Тан дёргался, тем больше становилось. Под конец у него уже не осталось сил даже сопротивляться. От боли всё тело дрожало, и он медленно свернулся в комок.

Тёплый комочек света у него на шее почувствовал, в каком он состоянии, и мягко скользнул ему в ладонь. Цзян Тан слабо сжал пальцы, и духовное пламя отозвалось на прикосновение — совсем как сам Фу Линцзюнь.

Он пролежал там очень долго.

Когда самая острая боль чуть отпустила, ему вдруг показалось, что иньская энергия вокруг стала ещё холоднее.

То ли ему мерещилось, то ли нет, но он всё яснее чувствовал: силы понемногу утекают, будто их что-то вытягивает.

Но ведь Цзян Чаньюань больше ничего с ним не делал. От этого ощущение становилось ещё страннее.

Силы уходили очень медленно, и пока он был взвинчен, этого почти не замечал. Только теперь, когда он тихо лежал, а все мысли постепенно стихли, это стало ясно.

От этого он встревожился ещё сильнее. Как говорится, беда не приходит одна.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда Цзян Тан услышал приближающиеся шаги. Слух у него был острый, у Цзян Чаньюаня тоже, так что тот, разумеется, услышал их не хуже.

На мёртвом лице снова появилась улыбка, и стоило ему так улыбнуться, как Цзян Тан сразу понял: ничего хорошего это не сулит. Прислушавшись, он различил не только шаги, но и звук цепей, волочащихся по земле.

Наверное, он станет первым человеком в мире, которого пришёл спасать его парень, а он при этом больше всего на свете хочет умереть на месте.

— Ум-м! Ум-м! Ум! — Не приходи! Не подходи сюда!

Он изо всех сил пытался прогнать Фу Линцзюня собственным голосом, но тот приближался слишком быстро. Отвадить его не получалось.

Дверь тёмной каморки с грохотом сорвалась с петель — вместе с толстыми чёрными цепями.

<http://bllate.org/book/17032/1722557>